

Хайдаров Т. Ф.

Новгородский мор «лета 6925–6928»

С самого начала своего существования как независимого государственно-образования, Новгородская земля старалась при построении государственных отношений совместить как традиционные древнерусские традиции управления, так и привнесённые из близлежащих городских центров Северной Европы. В результате, уже к началу XII в. в самом Новгороде между различными властными структурами сформировалась уникальная для Руси система сдержек и противоречий. В общих чертах данная система была близка к возникшей в захваченных немецкими феодалами городах балтийских славян и прибалтийских племён (Любек, Щецин, Гданьск, Рига, Ревель и др.). Стержнем данной системы являлся возглавляемый небольшим кругом отцов города городской совет. Для Новгорода подобной структурой считался «Совет господ», куда входили как представители наиболее влиятельных боярских родов, так и новгородского владыки, и приглашённого из Владимирской земли князя.

Несомненно, сильной стороной функционирование подобных систем городского управления следует признать скорость и гибкость в принятии решений. Однако, в целом эффективность последней зачастую зависело от консенсуса всех представителей городского совета, что в условиях военного противостояния с внешними контрагентами или ухудшения общеэкономического положения приводило к возникновению масштабных городских волнений. Новгород эти социальные бедствия также не обошли стороной. Наиболее крупные городские восстания произошли в 1136, 1207, 1228–1229, 1270, 1418, 1446–1447 гг.

Как видно из представленных хронологических дат, все восстания в городе вписываются, как и в средневековой Европе в два четко выраженных хронологических периода: 1) XII–XIII вв.; 2) XV в. Причём если для начала городских волнений первого периода основными причинами становились, чисто экономические требования восставших. То для городских восстаний XV в. определение первопричин представляет достаточно сложный процесс, так как именно в этот период Новгородская земля, как и остальные государственные образования на пространствах Евразийского континента переживали очень сложный этап перехода к формированию новых экономических, социальных и государственных отношений.

Одну из главных ролей в этих тектонических изменениях сыграла наступившая в середине XIV в. вторая пандемия чумы, более известная, как «Чёрная смерть». Зародившейся в глубинах Центральной Азии на рубеже 1330-х г., эпидемическая волна, посредством бежавших из осаждённой войсками золотордынского правителя Джанибека Кафы генуэзских галер, смогла достичь в конце 1347 г. Генуи и Марселя¹. Обогнув за пять лет весь европейский континент, эпидемия чумы первый раз в 1352 г. достигла придела Новгородской земли. Второй

¹ Benedictow O. J. *The Black Death 1346–1352: the complete history*. Woodbrige, 2004.

раз она проявилась здесь только в 1390 г. В XV в. это бедствие также не обошло стороной Новгород. Наиболее крупные эпидемии были отмечены 1406/07, 1417–1421, 1463–1467, 1486/87 гг.²

Среди главных причин столь частого проявления эпидемии чумы, по мнению современного исследователя Дж. Белиха³, считались:

1) произошедший после сельскохозяйственной революции XIII в. резкий рост населения Европы;

2) завершения процесса внутренней колонизации в Западной Европе и массового переселения народов на пространствах Евразийских степей;

3) формирования за счёт подъема транснациональных торговых корпораций во главе с Генуей, Венецией и Любеком, и отчасти престола св. Петра (Римской католической церковью), а также при непосредственной поддержке представителей различных властных структур территориальных единиц Монгольской империи единой транспортной сети Евразии.

Все эти факторы практически стерли внутренние границы, что в условиях масштабных климатических изменений последней четверти XIII в. явилось тем фактором, который ускорил процесс перехода от небольших локальных эпидемий к масштабной пандемии. Именно такой процесс наблюдался накануне начала «Чёрной смерти». Когда в результате увеличения во времена правления хана Узбека антропогенного фактора в Нижнем Поволжье с последующей быстрой урбанизацией этого региона, впервые в истории произошло фактическое объединение разрозненных ранее природных очагов Центральной Азии и каспийско-причерноморского региона⁴. В условиях резких изменений уровня местных крупных водоемов (Азовского, Аральского, Каспийского морей) с последующей масштабной аридизации местных степей, обитавшие на местах, увеличившееся численно в результате установления благоприятных климатических условий, местные массовые виды синантропических видов в поисках пропитания стали менять привычные миграционные пути⁵. Это автоматически привело к активизации уже спящих на тот момент времени природных эпидемических очагов. По признанию отечественных исследователей, близ Пскова и Новгорода находился один из них⁶. Существование последнего доказывает происходившие новгородско-псковском регионе до эпохи «Чёрной смерти» вспышки эпидемии чумы.

Если анализировать тексты русских летописей, то самые серьезные вспышки чумы в Новгороде произошли в период с 1414 по 1430 гг. Наиболее ранними летописными сводами, где была представлена информация об этом историческом событии, является Рогожский летописец, Новгородская четвертая и Софийская первая летопись. Впрочем, более подробное описание событий присутствует именно в Новгородской четвертой летописи⁷. О том, что разразившаяся

² Васильев К. Г., Сегал А. Е. История эпидемий в России. М., 1960.

³ Belich J. The Black Death an the Spear of Europe. *The prosoect of global history*. Oxford, 2016, p. 93–107.

⁴ Домарадский И. В. Чума: К 100-летию противочумной службы России. М., 1998. С. 22–23, Радкау Й. Природа и власть. Всемирная история окружающей среды. М., 2014. С. 204.

⁵ Хайдаров Т. Ф. Рубикон Золотой Орды // Золотоордынское обозрение. 2016. Т. 4. № 2. С. 314–335.

⁶ Супотницкий М. В. Где скрывается чума? // Универсум. 2005. № 3. С. 30.

⁷ ПСРЛ. Т. 4. СПб., 1848. С. 115–121.

ся эпидемия была именно чумой, свидетельствуют следующие слова: «А болезнь бысть такова: прежде же яко рогатнюю ударить за лопаткою, или протву сердца, подь груди и промежу криль, и разболится, который начнет кровью хракати, и огонь ражжетъ, посемь потъ, потомъ дрожъ иметь и по всемъ суставомъ походить въ человеци недугъ той естъственный; железа же неединаче иному на шеи; другому на стегне, овому подь пазухою и подь скулою и за лопаткою и въ паху, и на иныхъ местехъ телесныхъ, и в болезни полезавше и помроша». Аналогичное описание болезни можно было встретить в тексте «Рогожского летописца», посвященному «Великому мору»⁸.

Судя по дошедшим до сегодняшнего дня летописным текстам, эпидемия разразилась на Руси в 1417 г. Новгородская четвертая летопись так описывает бедствие: «А болезнь бысть такова: прежде же яко рогатнюю удапить за лопаткою, или протву сердца, подь груди и промежу криль, и разболится, который начнет кровью хракати, и огонь ражжетъ, посемь потъ, потомъ дрожъ иметь и по всемъ суставомъ походить въ человеци недугъ той естъственный; железа же неединаче иному на шеи; другому на стегне, овому подь пазухою и подь скулою и за лопаткою и въ паху, и на иныхъ местехъ телесныхъ, и в болезни полезавше и помроша»⁹. Фактически данный летописный отрывок повторяет в целом рассказ «О мору великом лета 6872», представленный в Рогожском летописце.

Если судить по приведённым названиям русских городов, то можно заключить, что данная эпидемия чумы пришла на Русь с территории Ливонского Ордена. «И мряху тогда железую отъ Спасова дни и до Крещеніи господня, и тако милостию Божіею преста моръ: а пришло отъ Немець изъ Юрьева»¹⁰. Очень скоро охваченными оказались многие города Северо-Западной Руси. «Въ годъ 6925 бысть моръ страшный на людехъ в Новгороде, и въ Ладозе, и въ Русе, и въ Порхове, и во Пьскове, и въ Торжку, и въ Дмитрове, и во Тфери, и во волостемъ и по погостомъ и по монастыремъ». Если верить тексту Софийской второй летописи причинами смертности среди населения наравне с эпидемией стал холод: «и зима была студена велми, многие люди мразом мерли».

Одним из первых эпидемический удар принял Новгород. Среди погибших в эту вспышку чумы оказались два новгородских посадника Иоанн Александрович и Борис Васильевич. По завершению данной эпидемии новгородским владыкой Семионом был традиционно проведён крестных ход, а также возведены две дневальные церкви, посвященные Св. Ильи в конце Прусской улицы и Св. Афанасию¹¹.

Одним из последствий данной вспышки явился поход московского воеводы боярина Глеба Семеновича с «Новгородскими беглеци, съ Семеномъ Жадовскимъ и съ Михайломъ Роасохинымъ, и съ Устюжаны и съ Вятчаны» в Заволочье. Результатом последнего стали «Емцю и Колмогоры пожгли, и боярь Новгородскихъ изнимаша Юрія Ивановича и брата его Самсона. А Иванъ Федоровичъ и братъ его Афонасть, Гаврило Куриловичъ, Исакъ Андреевичъ сугнавъ ихъ подь Моржемъ на острове, братію свою Самсона и Юрія отьяша, и полонъ весь и съ животы, а ихъ отпустиша»¹².

⁸ ПСРЛ. Т. 15: Рогожский летописец. Пг., 1922. Л. 292–293 об., С. 76–77.

⁹ ПСРЛ. Т. 4. С. 115–121.

¹⁰ ПСРЛ. СПб., 1851. Т. 5. С. 23–25

¹¹ ПСРЛ. Т. 4. С. 115–121

¹² ПСРЛ. Т. 5. С. 260–263.

Однако, наиболее важным с исторической точкой зрения последствием новгородского «*мора лета 6925*» явилось городское восстание в Новгороде в 1418 г. Наиболее полно данное событие представлено в тексте «*Летописи Авраамки*». Ценность данного последнего отрывка заключается в том, что там полностью передана психологическое состояние, оказавшееся в условиях масштабных эпидемий, средневекового русского общества. Как следует из текста рассказа, некто Степанко, заподозрив в любовной интрижке со своей женой своего «*господаря боярина Данила Ивановича Божина внука*», 14 апреля 1418 г. избивает его до полусмерти и выкидывает его в реку. Там его подбирает некий рыболов по имени Личко.

Наблюдавшие это стороны люди, не разобрав, что к чему напали на него и разграбив его дом ушли восвоюси. Он же смог спастись бегством. После чего в Новгороде прокатилась волна насилия. В результате были разграблены «*Кузмодемѣя улицю, и Яневъ берегъ, и Люгощу улицю, и монастыря святого Николы и Прускую улицю*». Не сумев предотвратить междоусобицу, новгородский владыка Симеон оставив за себя ахимандрита Варлаама, отправился молиться в церковь Св. Софии. После чего он вышел на мост с крестом и стал прилюдно молиться. Увидев это, к нему обратились представители Торговой стороны с посадником Федором Тимофеевичем, «*и съ иными посадники и с тысячками, и благовернии хрестьяне*». О последующих событиях в летописном своде записано так: «*Владыка же послуша моленіа ихъ, и посла архимандрита Варлана, и отца своего духовнаго и протодіакона на вече на Ярославъ дворъ, да подадутъ благославленье его посаднику Василью Есифовичю, и тысячкому Кузме Теретьевичю и всему народу. И абіе вброзіе уголися брань сія промежи народы, и бысть хрестьяниномъ тишина и радость велія в веку, аминь*»¹³.

После подавления восстания в городе было принято решение о возведении четырех новых каменных и деревянных церквей. Список этих нововозведенных хорошо представлен в тексте Новгородской четвертой летописи. Среди них церковь Всех Святых на Чернициной улице, Св. Саввы на Козмодемьянской улице. Св. Ильи у Спаса на Хутыни, Воскресенья Христова в Деревяцком монастыре и Св. Николай на Пидбе¹⁴.

Как видно из данного текста, новгородское восстание 1418 г. явно имело социальный подтекст. Это, пожалуй, был первый случай в русском летописании, когда зафиксировалось крупное восстание, одной из причиной которого было чётко обозначена эпидемия чумы. Причем, из характера сил и средств, затраченных для выхода из возникшего социального кризиса, можно сделать вывод о представлениях, главенствовавших в новгородском обществе XV в. при осознании событий эпидемии чумы.

Зачастую данное бедствие воспринималось жителями города, как божественное наказание. «*Избыгло много. Того же лета преставися Иванъ ... отъ огня небеснаго. Якоже рече Писаніе о громехъ и о молніяхъ: аще отъ сраженія облакомъ точію молнія будетъ, несть враждаючи, но абіе мимоходити и изгинеть; аще ли съуларяющимся облакомъ, и къ симъ снидетъ небесный блескъ огнень, пламенновиденъ, и съвокупится съ молнією, исходима долу творить сгореніе. его же налучить; се же наречется пожаръ. Не всехъ во Владыка казнить, смертью*

¹³ ПСРЛ. Т. 16: Летопись Авраамки. СПб., 1889. С. 164–178.

¹⁴ ПСРЛ. Т. 4. С. 115–121.

тою напрасно осуждаеть. Якоже бо и во единомъ болници мнози на одре лежать, да инїи от нихъ вѣставляются, друзїи же отъ нихъ различными суды различными суды кончаются: такоже бо и о громогласнемъ томъ шибенїи, отъ матернихъ ядре младенца извергъ снабжаетъ; то кто изглаголетъ силы Господня, како ли увесться смотренїе? Невидимъ есть громъ, ни рукъ человеческъ имеетъ, преревая, превращая и растерзая подруга отъ ужикъ своихъ и чадо отъ родителей своихъ; но токмо повеленїе владыче съ страхомъ творить, но прещенїемъ темъ на молитву вѣставлеть»¹⁵.

О дальнейшем «шествиин» эпидемии чумы в городе автор Новгородской четвертой летописи сообщает следующее: в начале в мае 1419 г. болезнь снова проявилась в Новгороде. Своего пика она достигла летом того же года. Причем, скорее всего, основной очаг эпидемии находился на территории Новгородской земли. Как и в 1418 г. для прекращения распространения болезни новгородцы прибегли к традиционному возведению церквей. В результате «И Варлаамъ архимандритъ постави церковь каменну Рождество Христово, въ Юрьевъ манастыре; и Михайло Юрьевич постави церковь древяну Чюдо святаго Михаила архистратига, на Колмове; и Феодосїй игумень церковь каменну постави святую Троицю, на Клопейске, въ 60 днїи». Последней стала возведѣнная в конце 1419 г. «церковь древяну святаго Антонїа, на Вежищахъ»¹⁶.

В 1420 г. в Новгородской четвертой летописи отмечено продолжение эпидемии чумы уже в Пскове. Правда, летописец склоняется к той точке зрения, что данное бедствие скорее всего пришло от «немцев», чему косвенное свидетельство присутствие в тексте указания на торговлю серебряными деньгами. В любом случае, как и с новгородской эпидемией 1417–1419 гг. результатом явилось возведение в Пскове двух церквей: «святаго Николая въ Отни путыне, святыи Ануфрїи на Красном острове»¹⁷.

Если говорить в целом о новгородском море «лета 6925–6928» и о его характерных проявлениях и последствиях, то в целом они были обычными для этой эпохи. Так, в частности, новгородское восстания 1418 г. имеет много общего с восстаниями в западноевропейских городах описываемого периода. Собственно, восприятие мора на Руси было близко к западноевропейскому: бедствие виделось как божественный гнев за людские грехи. Совпадали и внешнеполитические последствия событий 1417–1420 гг. По сложившейся тогда практике, эпидемия чумы выступила в качестве одного из предлогов для начала военных действий или их завершения. Чума и её последствия нашли отражение в обстоятельствах подписания в 1391 г. в Изборске Нибурова мира¹⁸, а также в в череде новгородско-ганзейских конфликтов XV в. Отечественный исследователь Е. А. Рыбина отметила, что наиболее крупные из них пришлись на 1403, 1406–1409, 1410–1412, 1416, 1420–1421, 1424–1425, 1441, 1443, 1448, 1478 гг.¹⁹ Аналогично вспышки чумы и сопровождавших её конфликтов отмечены в крупнейших русских городах-партнерах Ганзы (Новгород, Псков и Смоленск) отмечены в 1403–1404, 1406–1407, 1408–1409, 1417–1419, 1420–1421, 1422–1424, 1442/43, 1448, 1463–1467, 1486/87.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Рыбина Е. А. Новгород и Ганза. М., 2009. С. 98.

¹⁹ Там же. С. 116.

Однако, несмотря на все политические пертурбации XV в., Новгород не остановил свою территориальную экспансию. И как только удалось преодолеть негативные последствия «Чёрной смерти», подталкиваемые возросшим европейским спросом на пушнину, новгородцы, начиная с 1455 г., стали планомерно расширять своё присутствие на Урале и за Уралом²⁰. Падения Новгородского княжества в 1470 г. не прекратило этот процесс. Начиная с 1490 г., экспансия Новгородского княжества была перехвачена более сильным Великим княжеством Московским, сумевшим максимально извлечь политические выгоды из последствий эпохи «Чёрной смерти».

Источники и литература

1. Васильев К. Г., Сегал А. Е. История эпидемий в России. М., 1960.
2. Домарадский И. В. Чума: К 100-летию противочумной службы России. М., 1998.
3. Полное собрание русских летописей. Т. 4. СПб., 1848.
4. Полное собрание русских летописей. Т. 5. СПб., 1851.
5. Полное собрание русских летописей. Т. 15: Рогожский летописец. Пг., 1922.
6. Полное собрание русских летописей. Т. 16: Летопись Авраамки. СПб., 1889.
7. Радкау Й. Природа и власть. Всемирная история окружающей среды. М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2014.
8. Рыбина Е. А. Новгород и Ганза. М.: Рукописные памятники древней Руси, 2009.
9. Спутницкий М. В. Где скрывается чума? // Универсум. 2005. № 3. С. 20–30.
10. Хайдаров Т. Ф. Рубикон Золотой Орды // Золотоордынское обозрение. 2016. Т. 4. № 2. С. 314–335.
11. Belich J. The Black Death an the Spear of Europe. *The prosoect of global history*. Oxford, 2016, p. 93–107.
12. Benedictow O. J. *The Black Death 1346–1352: the complete history*. Woodbrige, 2004.

²⁰ Belich J. The Black Death an the Spear of Europe, p. 102.